

GRISHAVERSE

В СЕРИИ
«МИРЫ ЛИ БАРДУГО. GRISHAVERSE»
ВЫШЛИ:

ШЕСТЕРКА ВОРОНОВ
ПРОДАЖНОЕ КОРОЛЕВСТВО

ТЕНЬ И КОСТЬ
ШТУРМ И БУРЯ
КРАХ И ВОСХОД
ЯЗЫК ШИПОВ

ЛИ БАРДУГО

КОРОЛЬ
ШРАМОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-4
Б24

Leigh Bardugo
KING OF SCARS

*Печатается с разрешения литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc
и Andrew Nurnberg.*

Grishaverse logo and Grishaverse monogram
used on cover and spine with permission.
™ and © 2017 Leigh Bardugo. All rights reserved.

На обложке использованы изображения
по лицензии Shutterstock.com

Художественное оформление *Екатерины Климовой*
Перевод с английского *Надежды Сечкиной*

Бардуго, Ли.

Б24 Король шрамов: [роман] / Ли Бардуго; пер. с англ.
Н. Сечкиной. — Москва: Издательство АСТ, 2019. —
608 с. — (Миры Ли Бардуго. Grishaverse).
ISBN 978-5-17-114497-5

У Николая Ланцова всегда был этот дар: верить в невозможное и делать невозможное реальностью. Никогда не жаловаться и не сдаваться. Никто не знает, как он смог выстоять в кровавой гражданской войне, разразившейся на родине юного короля. Теперь, когда враги собираются у границ ослабленной внутренними распрями Равки, перед неунывающим молодым человеком стоят новые задачи: пополнить казну, найти союзников и возродить некогда великую армию гришей – людей с магическими способностями. Николай готов рискнуть всем, чтобы спасти страну, даже если для этого придется вытаскивать на свет секреты, которым лучше оставаться похороненными, и разбередить раны, которые никогда не заживут...

**УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-4**

ISBN 978-5-17-114497-5

Copyright © 2019 by Leigh Bardugo
Jacket art © 2019 Leigh Bardugo. All right reserved.
© Н. Сечкина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается Морган Фахи:
генералу – в военное время, советнику – в мирное;
дорогой подруге
и (почти всегда) милостивой королеве*

ГРИШИЙ

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ
МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(ОРДЕН ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ)

СЕРДЦЕБИТЫ
ЦЕЛИТЕЛИ

ЭФИРЕАЛЫ
(ОРДЕН ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ)

ШКВАЛЬНЫЕ
ИНФЕРНЫ
ПРОЛИВНЫЕ

СУБСТАНЦИАЛЫ
(ОРДЕН ФАБРИКАТОРОВ)

ПРОЧНИКИ
АЛКЕМЫ

УТОПАЮЩИЙ

Дима первым услышал, как стукнули ворота хлева. Кухня маленького деревенского домика бурлила, точно похлебка на огне; воздух был нагретым и влажным, окна наглухо закрыты — снаружи неистовствовала буря. От громких голосов дрожали стены: Димины братья горланили, перебивая друг дружку, мать напевала и притопывала ногой в такт незнакомой ему песне. На коленях у нее была разложена отцовская рубаха — порванный рукав туго натянут. Игла часто, неритмично клевала ткань, словно воробей рассыпанное зерно, нить белым червячком вилась меж пальцев.

Дима был младшим из шестерых сыновей, последышем. На свет он появился много после того, как доктор, посещавший деревню каждое лето, объявил его матери, что детей у нее больше не будет. «Нечаянная радость», — любила повторять мать, прижимая Диму к груди и ласково глядя по голове, когда остальные уходили работать. «Лишний нахлебник», — презрительно кривился старший брат Петр.

Балагурия друг с другом, братья попросту не замечали маленького, щуплого Диму, так же как забывали о нем во время жарких семейных споров. Вот почему тем осенним вечером, домывая в лохани плошки, оставленные ему братьями, зловещий глухой стук услышал только он. Дима стал тереть еще усерднее, чтобы поскорее закончить и спрятаться под одеялом прежде, чем кому-нибудь придет в голову послать его за порог, в темноту. Ветер усилился и перешел в сердитый вой; Молния, дворовая собака, заскулила под дверью, выпрашивая объедки и теплый угол.

Ветки царапнули по стеклу. Мать вскинула голову, и вокруг ее рта глубже проступили скорбные морщинки. Женщина сурово сдвинула брови, точно собиралась наказать ветер, лишив его ужина.

— Зимы нынче приходят рано и долго не уходят, — промолвила она.

— Хм-м-м, — отозвался отец, — прямо как ваша мать, ребята.

Мать пнула его носком башмака.

На ночь она оставила за старой железной печкой кружечку кваса — подношение домашним духам, хранителям очага, которые присматривали за хозяйством и спали в теплом подпечье. Во всяком случае, мать в это верила. Отец лишь недовольно морщился, досадуя, что она зря переводит добрый напиток.

Дима знал: после того как все уснут, Петр выхлебает квас и умнет кусок медовой коврижки, завернутый в чистый холст. «Призрак прабабки тебе отомстит», — грозил ему Дима, но Петр лишь утирал губы рукавом и отвечал: «Призраков не существует, дуралей. Бабу Галину съели кладбищенские черви, и то же самое ждет тебя, если не научишься держать рот на замке».

Неожиданно оказавшись рядом, Петр больно пихнул младшего брата в бок. Дима часто гадал, не делает ли тот специальных упражнений, чтобы локти были еще острее.

– Слышишь? – спросил Петр.

– Не слышу я ничего. – У Димы упало сердце. Хлев.

– Там кто-то есть. Кто-то или что-то разгуливает посреди бури.

А, брат просто хочет его напугать.

– Не мели ерунды, – буркнул Дима, в душе испытав облегчение.

– Слушай, слушай, – не отставал Петр.

Порыв ветра сотряс крышу, в очаге взметнулся сноп искр. За гудением бури Диме почудился еще какой-то звук, далекий и пронзительный, похожий на вой голодного зверя или жалобный детский плач.

– Когда над кладбищем дует ветер, в могилах просыпаются *маленечки*, духи младенцев, умерших неокрепшими. Просыпаются и выходят на охоту. Крадут свежие души, чтобы в обмен выторговать себе пропуск на небеса. – Петр наклонился и ткнул Диму пальцем в плечо. – Они всегда забирают самых младших.

Диме уже исполнилось восемь, так что в эти байки он не верил, и все же его взгляд невольно скользнул к темному окну и залитому лунным светом двору, где ветер гнул и раскачивал деревья. Мальчуган вздрогнул. Он готов был поклясться: на миг, всего на краткий миг, там мелькнула тень, черное пятно размерами гораздо больше птицы.

Петр расхохотался и брызнул на него мыльной водой.

– Честное слово, ты с каждым днем становишься все дурнее! Кому нужна твоя жалкая душонка?

«Петр злится просто потому, что до твоего рождения младшим был он, — говорила Диме мать. — Постарайся быть к нему добрее, хоть с возрастом он и не поумнел».

Дима старался как мог, но порой ему очень хотелось хорошенько пнуть Петра под зад — чтобы брат почувствовал на себе, что такое унижение.

Ветер стих, и в наступившей тишине все отчетливо слышали, как хлопают ворота хлева.

— Кто не запер хлев? — задал вопрос отец.

— Сегодня Димина очередь обходить двор, — невинно заметил Петр, и четверо остальных братьев, сидевших за столом, закудахтали, словно растревоженные куры.

— Я закрывал, — возмутился Дима. — Я крепко задвинул засов.

Отец откинулся на спинку стула.

— По-твоему, стук мне мерещится?

— Он, поди, думает, это призраки, — фыркнул Петр.

Мать оторвала взгляд от шитья.

— Дима, сходи запри ворота, — сказала она.

— Ладно уж, давайте я схожу, — притворно вздохнул Петр. — Всем известно, как наш Дима боится темноты.

Это проверка, догадался Дима. Отец ждет, что младший сын справится сам.

— А вот и не боюсь, — заявил он. — Сейчас пойду и закрою.

Не обращая внимания на довольную ухмылку Петра, Дима вытер руки, натянул кафтан и шапку. Мать протянула ему жестяную лампу.

— Беги скорей, — она подняла воротник кафтана, чтобы Диме не продуло шею. — А потом я посижу с тобой, расскажу перед сном сказку.

— Новую?

- Да, интересную новую сказку о северных русалках.
- А волшебство в ней будет?
- Сколько угодно. Ну, поспеши.

Дима скосил глаза на икону Санкт-Феликса над дверью: дрожащее пламя лампы бросало отблески на скорбный лик святого, чей взор был полон сочувствия, словно тот знал, как холодно на улице. Феликса проткнули кольями, вырезанными из яблоневых сучьев, и заживо изжарили на костре всего через несколько часов после того, как он явил чудо, заставив сады цвести. Он не стонал и не кричал, лишь попросил жителей деревни перевернуть его, чтобы огонь доставал и до другого бока. Феликс бы не испугался бури.

Стоило Диме ступить за порог, как ветер рванул дверь у него из рук. Мальчик захлопнул ее и услышал лязг крюка с той стороны. Конечно, он понимал, что так надо, что это всего на минутку, однако все равно не мог отделаться от ощущения, что наказан. Оглянувшись на светящиеся окна, Дима заставил себя спуститься по ступенькам крыльца на утоптаный двор, и его охватила жуткая мысль: семья забыла про него, как только он покинул безопасное тепло кухни, и, если он не вернется, никто о нем даже не вспомнит. Ветер выдует Диму из памяти родных.

Он изучил взглядом длинную, залитую лунным светом часть двора, которую ему предстояло преодолеть: чтобы добраться до хлева, где держали старого мерина Герасима и корову Матильду, нужно пройти мимо курятника и сарая для гусей.

– Стальные дисковые лезвия, – прошептал он, коснувшись рукой новенького плуга, словно это был талисман на удачу. Дима точно не знал, чем так хороши дисковые лезвия, просто именно эти слова отец с гордостью повторял соседям, когда привезли плуг, и Диме